

РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ О ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ 1848-1849 гг.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект №11-01-00289а).

THE RUSSIAN CONSERVATIVES' VIEWS OF THE REVOLUTIONARY EVENTS IN THE EUROPE OF 1848-1849

A. Meshcheryakova

The article is dedicated to the assessment of the revolutionary events of 1848–1849 in the epistolary, publicistic and literary texts by the Russian conservatives. They not only analysed the political situation in the Western Europe, but also reflected upon the impact of the revolutions for the future destinies of Russia. It is noted that the Russian conservatives considered "the decline of Europe" as the immediate political prospect.

Keywords: Russian Empire, Social and political Thought, Conservatism, revolution, Western Europe.

Мещерякова Арина Олеговна
кандидат исторических наук,
Воронежский
государственный университет

Аннотация:

Статья посвящена оценке европейских революций 1848–1849 гг. в эпистолярном, публицистическом и литературном наследии русских консерваторов. Они не только анализировали политическую ситуацию в Европе, но и размышляли над значением революций для будущего России. Отмечается, что "закат Европы" консерваторы рассматривали в качестве ближайшей политической перспективы.

Ключевые слова:

Российская империя, общественно–политическая мысль, консерватизм, революция, Западная Европа

Революционные события в Европе 1848–1849 гг. вызвали сильнейший общественный резонанс в России. Манифест 14 марта 1848 г., в котором борьба с революцией отождествлялась со священной войной против завоевателей Отечества [13], отвечал настроениям значительной части русского общества, заметно "поправевшего" с началом парижского восстания. Европейские революции дали мощный импульс развитию консервативной мысли. При всем сходстве позиций консервативных идеологов, каждый из них имел собственный взгляд на эти события и по–своему рассматривал их в связи с настоящим и будущим России. Для многих из них революционные потрясения в Европе стали толчком для постановки и решения ключевых проблем русской историософии.

В статье не ставится цель рассмотреть весь спектр суждений русских консерваторов о европейских революциях 1848–1849 гг. – это тема отдельного крупного исследования. К тому же, те или иные аспекты этой проблемы неоднократно рассматривались в отечественной историографии [8, 17, 7]. Цель состоит в другом: анализируя интеллектуальное наследие таких известных поэтов и оригинальных консервативных мыслителей, как К.С. Аксаков, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и Ф.И. Тютчев, определить особенности их представлений о России, ее месте в мире и ее исторической роли, сформировавшиеся через осмысление революционных событий в Европе.

В 1848–1849 гг. В.А. Жуковский жил во Франкфурте и Бадене и был, таким образом, непосредственным свидетелем революционных потрясений в Европе. С самого

начала он много и подробно писал о революции своим русским корреспондентам, среди которых были и его ученики: великие князья Александр Николаевич и Константин Николаевич. В письмах из революционной Германии он делился не только свежими фактами, но и своими размышлениями о революции вообще и происходящей – в частности. Начавшуюся революцию Жуковский сравнивал с пятидесятилетним стариком, лишенным энтузиазма. "Теперь никто не верит той свободе, тому равенству, тому общему благу, той любви к человечеству, за которые тогда искренно заблужденные отдавали жизнь", – писал он наследнику престола. Новая революция явилась, по мнению поэта, исключительно плодом эгоизма и рационализма [10, с. 529–530].

Вскоре после начавшейся революции в Германии в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии от великого князя Александра Николаевича поступило письмо с указанием немедленно напечатать его в газете. На следующий день 12 марта 1848 г. текст послания Жуковского под названием "Письмо Русского из Франкфурта" появился на страницах "Северной пчелы" [3, с. 551]. В нем, помимо анализа политической обстановки в Германии, автор размышлял о значении этой революции для России и ее будущего. Жуковский весьма скептически смотрел на возможность благоприятного исхода революции в Германии. "Опьянение слишком сильное и всеобщее, – писал он, – возмутители всюду и на всех пунктах, и тайно и явно действующие, не дают образумиться <...>, а власть хранительная и обуздательная парализована. Германия падает" [10, с. 16]. Анархии, за–

хлестнувшей Европу, поэт противопоставлял непоколебимость и мощь Российской империи во главе с самодержцем–консерватором Николаем I. "С благоговением смотрю теперь на нашу Россию, – продолжал он. – На своем неприступном для внешнего мира Востоке возвышается она теперь над взволнованною Европою, как ковчег, хранящий в себе зародыш нового мира, над волнами потопа, поглотившего прежний. <...> Россия сильна у себя и будет вдвое сильнее, когда все свое могущество устремит на свою внутренность, отгородив Китайскою стеною себя от заразы внешней. <...> Все, что необходимо для нашей самобытности, могучей и отовсюду неприкосновенной, все у нас есть" [10, с. 16].

В глобальных политических катаклизмах в Европе Жуковский видел повод для укрепления традиционных основ русского государства и прежде всего – самодержавия. Только неограниченное самодержавие способно, по мысли поэта, "сохранить сильную самобытность Русского Царства" – даже во время общеевропейских революционных потрясений. К идее самодержавия как основы самобытности России он неоднократно возвращался в письмах к русским корреспондентам. Так, в марте 1848 г. он писал из Франкфурта своему другу, московскому почт–директору А.Я. Булгакову: "Посмотрев в глаза этой свободе, убеждаешься в том, какое твердое народное благо может быть устроено на фундаменте Самодержавия; этот фундамент у нас есть: наш самодержавный Строитель может еще спокойно и самобытно строить Русское здание великого царства по плану Божией правды. Чтобы это здание, столь богатое будущим, могло быть доведено до кровли, все Русские теперь крепче, нежели когда–нибудь должны слиться в одну силу с Царем своим" [9, с. 526]. В то время как Европа, в частности Германия, оказывается "раздавленной грузом своей цивилизации" [9, с. 527], Россия, по мнению Жуковского, пребывает в фазе строительства, подлинный расцвет которой наступит в будущем. Подобный взгляд на место России в мировом историческом процессе в целом был типичен для русских консерваторов николаевского царствования, среди которых пользовалась популярностью органическая теория государства [16, с. 138–139].

1848 г. стал поворотным в мировоззрении П.А. Вяземского: с этого момента о нем можно с уверенностью говорить как о консерваторе и защитнике русской национальной самобытности. Завершение эволюции во взглядах Вяземского во многом было связано с его реакцией на европейские потрясения. Являвшийся в представлениях русских консерваторов старшего поколения либералом и "якобинцем" [14], с 1848 г. он навсегда перешел в лагерь своих бывших идейных противников.

Поэтическим ответом Вяземского на революции в Европе стало стихотворение "Святая Русь" (1848 г.). Появление этого стихотворения в интеллектуальной биографии Вяземского М.И. Гиллельсон сравнивал с пройденным Рубиконом: бывший вольнодумец и оппозицио–

нер прославлял в стихах православие и самодержавие [5, с. 321]. Это стихотворение в свое время получило большую известность и популярность, оно было напечатано в "Санкт–Петербургских ведомостях" и "Сыне Отечества", а также издано отдельной брошюрой [2, с. 500]. В "Святой Руси" открыто звучал антиреволюционный пафос. Не испытывая ни малейшего сочувствия к революционному движению, автор видел в нем, прежде всего, силу, разрушающую общественные устои: "преданья, правду и закон" [4, с. 311]. "Разнузданной страсти" революции поэт противопоставлял смирение и покорность, силу и величие своей родины. Обращение к образу "Святой Руси" стало для него, как и для других современников–консерваторов, способом декларации самобытности России, представления о которой до предела обострила революция. Так, в стихотворении звучал следующий призыв:

***О, дорожи своим залогом!
Блюди тобой избранный путь,
И пред людьми и перед Богом,
Святая Русь, – святою будь!***

***О, будь всегда, как и доньше,
Ковчегом нашим под грозой,
И сердцу Русскому святыней,
И нашей силой пред враждой!*** [4, с. 315]

На Жуковского стихотворение Вяземского произвело очень сильное впечатление. "Вяземский! Как тронули меня, при виде всего этого, столь болезненного и отвратительного, твои стихи, – писал он из Германии, – я не мог читать их без слез и не могу иначе перечитывать" [11, с. 825]. Ответом Жуковского на стихотворение "Святая Русь" стало письмо от 23–го июля 1848 г., опубликованное вскоре в "Русском инвалиде" [11], в котором он анализировал не столько политическую, сколько духовную ситуацию в охваченной революцией Европе. Основная часть этого письма была посвящена смыслу русской истории и такому уникальному понятию и явлению, как Святая Русь. Россия – это государство, со своей политической мощью и границами, Святая Русь, по мысли Жуковского, является идеей, "преданием". "Здесь наша память о жизни праотцев, – писал поэт, – наша народная внутренняя жизнь, наша вера, наш язык, все, что собственно наше русское, что никому, кроме нас, принадлежать не может, что нигде, кроме Русской земли не встретится, чего никто, кроме русского человека, и понять не может..." [11, с. 826]. Эти рассуждения Жуковского если и не вытекали непосредственно из стихотворения Вяземского, то, во всяком случае, были ему созвучны. В то же время можно заключить, что яркие пассажи о самобытности России и ее уникальном историческом пути были вызваны (так же, как и само стихотворение Вяземского) революционными событиями в Европе.

Европейские революции 1848–1849 гг. привели Вяземского к отрицанию всей западной цивилизации с ее политическими и духовными достижениями. В письме

своему немецкому другу и давнему корреспонденту Ф. фон Энзе он весьма резко и эмоционально охарактеризовал происходящие в Европе события: "Вместо идей и пропаганды у вас баррикады, вместо нравственного права и убеждения – картечь. Таково завершение этой хваленной, себя прославляющей цивилизации, которую мы имели глупость слишком долго принимать всерьез и считать нашим поводом. Благодаря вам, вашему гибельному примеру, мы извлечем пользу из урока, который вы нам преподали. Мы также будем искать прогресса и возможного совершенствования, но увидев, что вы пошли по ложному пути, что эта мнимая цивилизация толкнула вас в пропасть, мы вновь вернемся к нашей собственной природе и выберем иной путь" [6, с. 574–575]. Таким образом, для Вяземского революция стала апофеозом ложной в своих основах цивилизации и одновременно грозным предупреждением для русских, преклоняющихся перед Западом.

Революционные события в Европе оказали непосредственное влияние на формирование политической концепции одного из лидеров славянофильства К.С. Аксакова, послужив толчком к началу его публицистической деятельности [7, с. 308]. Как и другие консерваторы, Аксаков интерпретировал происходящее в Европе как поучительный урок России, который преподает западный мир, вставший на ложный путь. В письме историку А.Н. Попову в марте 1848 г. он писал следующее: "События, совершающиеся на Западе, замечательны. Запад разрушается, обличается ложь Запада, ясно, к какой болезни приводит его избранная им дорога. Я радуюсь обличению лжи. Ужели и теперь Россия захочет сохранять свои связи с Западом. Нет – все связи нашей публики с Западом должны быть прерваны" [17, с. 155].

В 1848–1849 гг. Аксаков написал ряд статей, в которых анализировал современную политическую и духовную ситуацию на Западе и в России. Особый интерес представляет статья "Голос из Москвы" [1] (1848 г.), которая, как и прочие его публицистические работы этого периода, не предназначалась для печати, а распространялись в списках. В своем сочинении Аксаков анализировал феномен государственной власти в Европе и России, а также специфику отношения к ней на Западе и Востоке Европы. Главный грех западной цивилизации и одновременно первопричина революции – безверие и безнравственность. Отсюда, по мнению Аксакова, вытекает языческое отношение к Правительству. "Запад сотворил себе кумира из Правительства, – писал он, – обоготворил его и поклонился перед ним; в этом грех Запада. Монархическое, аристократическое, республиканское ли Правительство – все равно, здесь речь идет не о каком-нибудь Правительстве, но о Правительстве вообще. Запад поверил в совершенство Правительства или, лучше, в возможность его совершенства, и отсюда возникла необходимость революции как грешного пути к земному невозможному совершенству" [1, с. 297]. Россия же, по словам Аксакова, избрала себе другой путь, поставив на

первое место не поклонение земной власти, а веру. Монархия Православная является традиционной и идеальной формой правления в России. В отличие от Западной Европы государственная власть в России всегда носила христианский характер, она не требовала от подданных веры в свое совершенство, веруя в одно совершенство Божие [1, с. 298–299]. К сожалению, как писал Аксаков, Россия подверглась влиянию Запада. В итоге власть сама насаждала в России западные идеи и образ жизни, во многом поставив себя тем самым в положение западного правительства. В связи с этим Аксаков предупреждал: "Если Правительственная сторона России не оставит Западного пути, то она втолкнет Россию насильственно, вопреки ее природе, на путь революции..." [1, с. 299]. Таким образом, в отличие от Жуковского, являвшегося настоящим певцом русского самодержавия, а также многих других консерваторов-современников, Аксаков полагал, что даже сильная монархическая власть в России может таить в себе опасность, если она окажется оторванной от национальной традиции [1, с. 299].

Оперативно и резко отреагировал на европейские революции и Ф.И. Тютчев. Для поэта революция стала естественным итогом развития Запада, последним словом "ложной в своих основах цивилизации" [12, с. 441–442]. Если для Запада революция является болезнью, "раковой опухолью", то для России, считал Тютчев, она представляет собой реального, "вполне ощутимого врага, угрожающего не только ее душе, но и самому ее существованию". В связи с этим поэт предполагал два сценария развития событий для России. Он считал, что если революционному движению удастся победить анархию и сплотиться, то России грозит "крестовый поход" революционной Европы, как в 1812 году. "Если же, напротив, анархия решительно возобладает в Европе, – полагал Тютчев, – мне бы хотелось верить, что мы окажемся, не скажу достаточно мудрыми, но достаточно почтительными по отношению к Провидению, чтобы не вторгаться в Его решения. Нет, конечно, на этот раз мы не допустим постыдной глупости, добиваясь реставрации, рассчитывая договориться с Революцией" [12, с. 442]. Поэт был противником военного вмешательства России в европейские революционные события ради спасения самой Европы. Он считал, что инициатором возможного столкновения России с революционным Западом может быть только Запад. Подобную позицию среди консерваторов занимал и Жуковский [10, с. 12].

В начале 1849 г. в Париже была опубликована статья Тютчева "Россия и Революция" [15], получившая громкую и скандальную известность в Европе. В этой работе излагался его взгляд на историческую миссию России и ее отношения с Западной Европой. Как и в частной переписке, суждения и выводы Тютчева были откровенными и резкими. "Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия, – писал он. – Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невоз-

можно никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой". Поэт предсказывал, что от исхода борьбы между этими силами зависит вся будущая политическая и религиозная жизнь человечества [15, с. 144].

Великую историческую роль России и русского императора Тютчев видел в том, чтобы объединить православный Восток и возглавить его борьбу с революционным Западом, если с его стороны возникнет угроза "крестового похода". "И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? – восклицал Тютчев. – Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре – Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками. И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам

ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?" [15, с. 157] Типичные для русских консерваторов той эпохи представления о "закате Европы" в результате революционных потрясений и преобразении России высказывались Тютчевым с особой смелостью и поэтическим запалом.

Европейские революции 1848–1849 гг. как в свое время Великая французская революция, вызвали консервативную реакцию не только в Западной Европе, но и в Российской империи. И хотя резонанс от французских событий конца XVIII в. был более мощным и продолжительным, революционные потрясения в Европе середины XIX в. также способствовали значительной активизации русской консервативной мысли.

Общими для консерваторов были не только анализ текущей политической ситуации в Европе, но и осмысление таких феноменов, как Революция и Россия во взаимосвязи друг с другом. Представления о самобытности России и спасительности для нее традиционных начал, о ее особом историческом пути приобрели для них особую остроту и актуальность во время революционных потрясений 1848–1849 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С. Голос из Москвы // Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. СПб., 1992. С. 297–300.
2. Бондаренко В.В. Вяземский. М., 2004. 675 с.
3. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгакина в III отделение. М., 1998. 700 с.
4. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: [в 12 т.]. Т. IV: 1828–1852 г. СПб., 1889. 404 с.
5. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. 390 с.
6. Комментарии // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 4 / Сост. Л.В. Гладкова. М., 2004. С. 451–577.
7. Кошелев В.А. К.С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. СПб., 1992. С. 306–312.
8. Михайлов А.А. Революция 1848 года и славянофильство // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. 1941. Вып. 8. № 73. С. 48–74.
9. Письма В.А. Жуковского А.Я. Булгакову (1836–1852) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Вып. 17. М., 2008. С. 487–553.
10. Письма В.А. Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу // Русский архив. 1885. Кн. I. С. 7–19, 242–272, 526–540.
11. Письмо В.А. Жуковского к князю П.А. Вяземскому // Русский инвалид. 1848. № 207. С. 825–827.
12. Письмо Ф.И. Тютчева к К. Пфеффелю от 15/27 марта 1848 г. // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 4 / Сост. Л.В. Гладкова. М., 2004. С. 441–442.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 23. Отд. 1. № 22087.
14. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 2. Д. 686. Л. 31.
15. Тютчев Ф.И. Россия и Революция // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 3 / Сост. Б.Н. Тарасов. М., 2003. С. 144–158.
16. Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007. 208 с.
17. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. 274 с.